

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ВОЗЗРЕНИЯХ Н.Н. СТРАХОВА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В русле воззрений Н.Н. Страхова в статье высвечен конфликт поколений как социокультурное явление русской мысли 60-х гг. XIX в. Проблематика поколенческого конфликта интересует Страхова двояко: с гражданской позиции и в силу личностных переживаний. В качестве текстового источника выбрана его статья «И.С. Тургенев. “Отцы и дети”». Страхов использует особый дискурсивный прием, сравнивая две центральные фигуры – Базарова как художественного персонажа и Писарева как реального представителя нового поколения. Сделан вывод о том, что мыслитель признает значимость проблемы «отцов» и «детей». Однако непреодолимая альтернатива культурных разногласий, в его интерпретации, растворяется в метафизической оптике истории, в естественной смене поколений.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, И.С. Тургенев, культура, история, искусство, конфликт поколений, интерпретация, нигилизм.

Конфликт поколений как социокультурное явление в России ярко высветился на фоне двух событий: поражения в Крымской войне 1855 г. и противоречивого хода крестьянской реформы 1861 г. В соответствии со сдвигом русской жизни в сторону демократизации усилилось радикальное течение русской мысли. По наблюдениям В.В. Зеньковского, молодые люди от 20 до 30 лет выступили как резкая оппозиция по отношению к старшему поколению. Три качества «отцов» стали предметом критики радикалов: их «романтизм», любовь к отвлеченному мышлению и культ искусства. Альтернативно новое поколение выдвигает «реализм»; ищет опоры в точном знании; желает иметь такое искусство, которое давало бы ориентиры в жизни; верит в творческие начала личности. «Все это слагается в некое психологическое единство и переживается как отличие “новых людей” от предыдущего поколения», – делится своими ощущениями Зеньковский [1, с. 313].

На этом фоне в литературно-публицистической и философской среде наибольший резонанс получает роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Уже первые рецензии на книгу М.А. Антоновича, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева показали, что на поверхность русской мысли поднимаются два пласта проблем – социальный и возрастной. Русские западники рассматривали проблему традиций и поколенческого конфликта по преимуществу под воздействием европейского Просвещения, а также немецкой классической философии. Славянофилы вдохновлялись шеллингианским мировидением и идеями романтизма [2, с. 177].

Русский литературный критик, публицист и философ истории Н.Н. Страхов оказался в эпицентре развернувшейся на страницах журналов дискуссии. Исследователи творчества Страхова справедливо отмечают, что основные труды Страхова написаны ответно, в продолжение не им начатых «крупных разговоров» 60–90-х гг.

XIX в. [3, с. 116]. Так произошло и в этот раз. Проблематика поколенческого конфликта как общезначимая тема для культурно-исторической ситуации России в преддверие социальных реформ захватила Страхова всерьез и надолго. Кроме того, он имел и личную заинтересованность в осмыслении темы конфликта поколений. Его дядя, архиепископ Нафанаил, опекавший мальчика после смерти отца, оказался чересчур строгим воспитателем, что привело к серьезной размолвке внутри семьи. Конфликт, по мнению исследователей, со временем сошел на нет, в нем «не оказалось ни победивших, ни побежденных» [7, с. 9]. Однако, возможно, он остался в памяти Страхова как психологический опыт, неосознанно влекущий мыслителя в направлении поиска причин поколенческих разногласий.

Страхов присоединяется к обсуждению романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»; он печатает статью «И.С. Тургенев “Отцы и дети”» (1862) в журнале «Время», издававшемся братьями Достоевскими. Интересуясь творчеством Тургенева, Страхов подмечает, что писатель во всех своих произведениях «постоянно схватывал и изображал отношения между отцами и детьми», но последний роман оказался своего рода квинтэссенцией темы [4, с. 223]. К моменту написания своей статьи Страхов уже имел возможность ознакомиться с позицией Антоновича и Писарева. Оценивая роман Тургенева, он говорит, что русский писатель радикальные мысли и убеждения публицистов изящно воплотил в живые формы художественного слова. Страхов убежден, что «дело художника не мысль, а жизнь» [4, с. 224].

Центральной фигурой конфликта поколений в романе Тургенева выступает, разумеется, Базаров. «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип», – вкладывает Тургенев в уста одного из главных героев романа Аркадия понимание нигилизма [6, с. 193].

Центральной фигурой конфликта поколений в русской общественной жизни оказывается Писарев. Зеньковский говорит о нем как о «высокоталантливом писателе, в котором философский радикализм принял боевые черты нигилизма» [1, с. 313]. Уловив эти два момента, Страхов использует своеобразный дискурсивно-герменевтический прием. В своей статье он сравнивает две центральные фигуры: Базарова как художественного персонажа (а следовательно, и самого Тургенева, сотворившего этот персонаж) и Писарева как реального идеолога молодого поколения. В итоге статья приобретает форму, в которой рельефно вырисовывается герменевтический круг: движение мысли Страхова от «текста» (Базарова) – к его «автору» (Тургеневу) – затем к «интерпретатору» (Писареву и, отчасти, Антоновичу).

Процедура сравнения начинается с вопроса о мотивах отрицания культуры искусства. Сам Страхов считает, что искусство – это область «вечного», оно непобедимо и содержит в себе «неистощимую, вечно обновляющуюся силу», всегда носит элемент «примирения». В нигилизме Базарова и Писарева он усматривает разные акценты. Для Базарова искусство имеет высшее значение, это своего рода власть, и именно поэтому он не признает искусство с его притязанием на властное воздействие. Базаров упорно отказывается от таких наслаждений, которые могли бы стать выше его и завладеть его душой. Для Писарева искусство как форма жизни вообще не имеет значения, поэтому он не признает за искусством настоящего значения и считает, что оно должно давать ориентиры в жизни [4, с. 232–233].

Критически оценивая и ту, и другую позицию, Страхов, тем не менее, признает, что отрицание искусства, равно как и науки, – это проявление нового духа в молодом поколении, и оно имеет глубокие корни. В этом смысле Ба-

заров представляет собой «живое воплощение одной из сторон русского духа»: отсутствие изящества, восторженности, высокопарности и, наоборот, проявление практичности, едкого юмора, насмешки. Страхов цитирует известные слова Базарова из романа, на которые обращает внимание и Писарев в своей статье «Базаров», опубликованной в «Русском слове» в 1862 г., № 3: «Я придерживаюсь отрицательного направления в силу ощущений. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен – и баста» [4, с. 234]. Писарев, на его взгляд, отличается «прямотою и откровенностью своего изложения», свойственной радикально настроенной молодежи [4, с. 225].

По наблюдениям Страхова, на рубеже 50–60-х гг. XIX столетия вызревает новая тенденция общественного развития: умственный переворот осуществляется не постепенно, не через накопление знаний, а путем копирования разного рода теорий. Нарастающее отрицание искусства, науки, философии, религии, на взгляд Страхова, свидетельствует о нерелексивном восприятии западных идей русскими радикалами. Такое культурное заимствование резко усилило резонанс поколенческого конфликта в России, высветило разногласия между мыслью и жизнью. Носителями умственного переворота становится молодое поколение, едкое и насмешливое. Поэтому умственный переворот окрашен «злостью детей». По мысли Страхова, природа этой злобы – не в выражении нарушенного эгоизма. Злоба детей – это, скорее, страдания, томления из-за отсутствия любви, по сути, это и есть обратная сторона любви [4, с. 247–248]. «Дети» злятся на себя, переживая, что не могут устоять перед натиском всей полноты жизни.

Для Страхова, в галерее художественно-публицистических имен, собирательный образ «отцов» олицетворяют Пушкин (его слышали, им удивлялись), Гоголь (вместе с ним заражались поисками нового), Белинский (становились проповедниками новых идей) [4, с. 221–223]. Тургенев, на взгляд Страхова, смог мастерски воплотить этот собирательный образ в живые художественные формы. Отцы в его романе спорят, могут быть изысканными собеседниками (Павел Петрович), они любят за непреклонную последовательность и злость (Василий Иванович), ценят поэзию и музыку [4, с. 229, 246]. И что любопытно, «отцы» хотят мира с «детьми». Николай Петрович с горечью говорит: «...я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Аркадием, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем» [6, с. 210].

Идейный образ «детей» у Страхова олицетворяют Писарев и все сотрудники «Современника». Они – нигилисты, высказываются прямо и откровенно, увлекаются и впадают в крайности, при этом от них веет свежей силой и неподкупным умом. Они отрицают философию умственную как бесполезную деятельность; они считают, что людьми управляют не мысль и слово, а ощущения и нужды [4, с. 225, 239]. Они жаждут практики, поэтому отрицают искусство, науку и эстетику [4, с. 228]. Вместо Гете «дети» читают Гейне, вместо Пушкина – Некрасова.

Содержательно Страхов выделяет несколько пластов в сущности противостояния отцов и детей. Разбросанные по всему тексту, они образуют некий континуум: эстетический, интеллектуальный, образовательный, поведенческий и категориально-речевой. Что касается эстетики жизни, то старшее поколение – это «поэты», младшее – «химики да материалисты». Если говорить о дисциплине мышления, то старшим свойственен критический анализ, младшим – отрицание без должного созидания. Старшее поколение придает серь-

езное значение философии, науке, искусству, литературе, молодые люди, наоборот, не придают этому особой ценности. Стиль жизни таков, что отцы предпочитают разумную и изолированную жизнь, а дети – более плотные коммуникации. Страхов отмечает и категориально-речевые предпочтения: отцы говорят по-французски, дети – на латыни и по-немецки.

В чем суть самой дилеммы отцов и детей, по Страхову? Выбор одной из двух противоположностей для него одинаково затруднителен и, в то же время, одинаково понятен. Спустя несколько лет, в статье «Нигилизм. Причины его происхождения и силы» (1868) Страхов оценит проблему конфликта поколений гораздо шире, как диалог культур «учителя» и «ученика». Он рисует поэтапную динамику взаимоисключающих отношений «отцов» и «детей» по схеме гегелевской триады: от полного признания, через сомнение, к полному отрицанию. «Полное признание, с одной стороны, требовало полного отрицания с другой. Отсюда уже можно было предвидеть, что это признание, покупаемое такой дорогой ценою, не может долго держаться и что если оно перейдет в сомнение, то не остановится на половине, а должно дойти до такого же полного отрицания», – рассуждает Страхов [5, с. 99].

Страхов задается вопросом, волнующим и читателей романа, и его критиков: Тургенев – «за» молодое поколение или «против»? Ответ находится в самом тексте романа. На вопрос Аркадия «Да правда-то где, на какой стороне?», Базаров отвечает: «Где? Я тебе отвечу, как эхо: где?» [6, с. 271].

Что касается личностного восприятия конфликта поколений, то создается впечатление, что Страхов, вслед за Тургеневым, принимает поколенческие разногласия как данность. Дети ссорятся с родителями – вечная история и правда жизни. У каждого в семье есть «свой Нафанаил». В романе эта мысль облачена в слова Николая Петровича так: «Однажды я с покойной матушкой поссорился: она кричала, не хотела меня слушать... Я наконец сказал ей, что вы, мол, меня понять не можете; мы, мол, принадлежим к двум различным поколениям. <...> Вот теперь настала наша очередь, и наши наследники могут сказать нам: вы, мол, не нашего поколения, глотайте пилюлю» [6, с. 217].

Ратуя, как и Тургенев, за «вечную истину», Страхов цитирует слова Пушкина из «Евгения Онегина»: «...поколения восходят, зреют и падают, другие на послед придут» [4, с. 249]. Складывается впечатление, что для Страхова, собственно, никакой дилеммы «отцов» и «детей» нет. Вернее, она есть, но эта кажущаяся непреодолимой альтернатива растворяется в метафизической оптике, в естественной смене поколений. Страхову явно импонирует эпическая концовка романа Тургенева: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [6, с. 328].

Список литературы

1. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.
2. Ковалева Е.О. Культурная традиция как механизм аккумуляции и трансляции социокультурного опыта// Вестник Тверского Твер-

- ского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 58–63.
3. Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Кредо Н.Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П.Д. Голохвастовым) // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 114–128.
 4. Страхов Н.Н. И.С. Тургенев «Отцы и дети» // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 384 с. С. 220–255.
 5. Страхов Н.Н. Нигилизм. Причины его происхождения и силы // Н.Н. Страхов. Избр. тр. / сост. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 96–103.
 6. Тургенев И.С. Отцы и дети // И.С. Тургенев. Романы. Повести и рассказы. Стихотворения в прозе. Статьи / сост. В.Д. Сквозникова. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. 600 с.
 7. Щербакова М.И. Рифы юности. Дополнения к ранней биографии Н.Н. Страхова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4, № 4. С. 4–10.

THE DILEMMA OF «FATHERS AND SONS» IN NIKOLAY STRAKHOV'S VIEWS

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article highlights the conflict of generations as a sociocultural phenomenon of Russian thought in the 60s of the XIXth century. The issue of generational conflict is of interest to Strakhov in two ways: from a civil attitude and by virtue of personal experiences. We chose his article «Turgenev. «Fathers and sons» as a text source. Strakhov uses a special discursive method, he compares two central figures – Bazarov as a fiction character and Pisarev as a real life representative of the new generation. It is concluded that the thinker recognizes the significance of the problem of «fathers» and «children». However, an irresistible alternative of cultural differences, in his interpretation, is dissolved in the metaphysical optics of history, in the natural alternation of generations.

Keywords: *N. Strakhov, I. Turgenev, culture, history, art, generational conflict, interpretation, nihilism.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университета», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru